

УДК 130.121

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

Богданов В.В., Макаренко А.С.

*ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону,
e-mail: wbogdanov@gmail.com*

Проведён анализ оснований современного ренессанса профессионального исследовательского интереса к понятию и проблемам гражданского общества. Уточнены и обоснованы границы и смысловой контекст применения понятия гражданского общества в историко-культурной трансформации общественного сознания в период перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Исследовано влияние трансформаций постиндустриального общества, связанное с атрибутивными характеристиками общества потребления, на формирование механизмов и разрешение противоречий гражданского общества. Аргументировано сохранение оппозиционного характера гражданского общества по отношению к институту государства, несмотря на расширение функций постиндустриального социального государства и сближение их с функциями гражданского общества; показано, как противоречия между государством и гражданским обществом воспроизводятся в условиях новой информационной среды. Выявлена укоренённость гражданского общества в определённых социокультурных и политических обстоятельствах национального государства, что исключает в современных условиях перехода к постиндустриальному обществу возникновение глобального гражданского общества. Постиндустриальные изменения не являются тотальными для всех сфер общественной жизни, а международные отношения далеки от обязательной для гражданского общества опоры на фундаментальные принципы права – равенства и справедливости без которых немыслимо глобальное гражданское общество.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, гражданское общество, правовое сознание, противоречие, свобода, право, государство

CIVIL SOCIETY AND STATE IN POST-INDUSTRIAL EPOCH

Bogdanov V.V., Makarenko A.S.

Southern Federal University, Rostov-on-Don, e-mail: wbogdanov@gmail.com

The authors subjected to the analysis today's recovery of researchers' interest in civil society and its problem. Specified are the context and borders within which the concept of civil society can be applied with regard to historical and cultural transformations of public consciousness during the transition from industrial to postindustrial society. The transformations of postindustrial society which are linked to relevant features of consumer society were studied in terms of their influence on the formation of mechanisms and resolving of problems of civil society. The paper accounts for the preservation of the opposition nature of civil society in relation to the state despite the fact that there is an increase in the number of functions of postindustrial social state, the functions converging with those of civil society. It is shown how contradictions between the state and civil society are reproduced within a new information environment. Civil society is stated to be deeply rooted in a number of the state's social and political features which prevents a global civil society from emerging during the transition to postindustrial society. It is common knowledge that the existence of a global civil society is impossible without abiding by such fundamental principles of right as equality and justice. However, post-industrial changes do not occur in all spheres of society, whereas international relationships scarcely rely on the aforementioned principles.

Keywords: post-industrial society, civil society, legal consciousness, contradiction, freedom, justice, state

Возникновение и эволюция гражданского общества в его основной смысловой оппозиции к государству вполне оправдано в индустриальной экономике и сословной культуре нового времени. Там гражданское общество является главным оппонентом государства, сдерживающим его монополизм на насилие и интерпретацию права. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что возродившийся в третьей четверти XX века интерес к идее гражданского общества в условиях развитых демократий, где государственные аппетиты сдерживаются отработанными механизмами сдержек и противовесов, разделения властей, защищаемыми на надгосударственном уровне правами человека и гражданина, требует своего оправдания в более глубоких основаниях, коренящихся в социокультурных,

экономических, политических и ментальных основаниях общества потребления, глобализирующейся, информационной постиндустриальной эпохи.

Термин «постиндустриальное общество» использован в исследовании в его собирательном значении, но не столько в качестве «идеального типа», «аналитической конструкции», которое ему придавали Д. Рисмен (1958) и Д. Белл (с 1962), сколько в качестве синтетической модели, объединяющей несколько общепризнанных в начале третьего тысячелетия тенденций: глобализации, доминирования сетевых структур и связей, ценностных мотиваций и ориентиров общества потребления. Постиндустриальный экономический уклад в течение многих десятилетий вполне уживался с традиционными для

индустриального нового и новейшего времени социальными структурами, политическими практиками и общезначимыми ценностями. Совпадение постиндустриального экономического уклада с мотивациями общественного сознания начало происходить, когда экономика сферы услуг стала соответствовать социальному запросу в качестве жизни (а не количестве дохода), свободном саморазвитии, ценности свободного времени, значимости досуга, потребительской самореализации, стремлению к эстетизации, экологизации среды обитания. Но даже при складывающемся соответствии постиндустриальных ориентиров экономики и ценностей общественного сознания постиндустриализм по-прежнему остаётся только тенденцией до тех пор, пока его доминанты не вросли во все элементы общественной структуры. Политические технологии, некогда успешно реализующие либеральные инновации в экономике и праве, в современном становящемся постиндустриальном обществе остаются консервативными, что в значительной мере отражает воздействие на них столь же консервативного гражданского общества.

Однако и в механизмах, и ценностях политической структуры произошли изменения. В новое время свободный индивид, вооруженный равенством перед законом, был предоставлен самому себе. Государство являлось исключительно аппаратом реализации права и условий для его полноценного функционирования. К атрибутивным функциям государства не относился патернализм. Справедливость ограничивалась тождеством даяния и воздаяния, что при значительном различии стартовых возможностей приводило к поляризации доходов и социальному расслоению. Борьба ущемленных социальных групп за сокращение разницы в возможностях велась в отношении собственников производительных сил, и государство ограничивалось лишь контролем за относительно цивилизованным разрешением социальных конфликтов между классами. Однако постиндустриальное общество изменило стандарт ответственности государства перед гражданами, провозгласив идею социального государства. Государство расширило гарантию прав и свобод граждан до обязательств обеспечения достойного уровня жизни, выражающегося в удовлетворении базовых потребностей каждого гражданина, значительно расширив стандарты этой социальной ответственности. Британское «государство благоденствия» стало первым этапом становящегося постиндустриального общества потребления. Одним из основных критериев

социального государства стало наличие развитого гражданского общества как субъекта, определяющего параметры социальной политики и обеспечивающего справедливость на всех уровнях системы общественных отношений. При всём различии подходов к стандартам социального государства, обозначенным в программной работе Ф. Нормана и Т. Тимоти «Состояние государства благоденствия. От социальной безопасности к социальному равенству» (1977), основные параметры социального государства стали универсальными в Западной Европе, США, Канаде, Австралии, др. государствах [5, с. 25]. Ответственность при постоянном контроле гражданского общества легла исключительно на институт государства.

Изменение функциональной нагрузки и отчасти природы государства в его эволюции к социальному государству стало одним из важнейших параметров изменения отношения к этому институту гражданского общества в сторону партнёрства и сотрудничества. Такое революционное изменение в функциях и взаимоотношениях основных социальных институтов не может быть однозначно объяснено и редуцировано к изменениям в сфере экономики и политики. Имманентный анализ предполагает поиск оснований для столь существенных трансформаций в эволюции самого общественного сознания. Изменения в столь древнем социальном институте как государство не происходили спонтанно и явились реализацией древних идеалов человечества. Рационализация функций государства и гражданского общества, независимо от того, лежали в её теоретическом фундаменте идеи гегельянца Л. фон Штейна или составляющие моменты «стоимости рабочей силы» К. Маркса, выступила частным случаем и результатом социокультурного процесса становления рациональности в общественном сознании. Однако эта рационалистическая тенденция сопровождалась противоречивой позицией со стороны гражданского общества. Л.Н. Кочеткова выразила эту дилемму следующим образом: «Отношения между социальным государством и гражданским обществом носят антиномичный характер. Антиномичность этих взаимоотношений выражается в том, что, с одной стороны, гражданское общество требует постоянного вмешательства социального государства в жизнь граждан в плане расширения социальных прав и гарантий, а с другой стороны, такое вмешательство ведет к усилению зависимости граждан от социального государства, что лишает гражданское общество присущей ему самостоятельности и автономии. В этой связи

новыми аспектами деятельности социального государства должны стать сокращение вмешательства бюрократического аппарата в жизнь общества и развитие самозанятости граждан» [6, с. 4].

Ситуация осложнилась ещё и тем, что в обществе с расширяющимися глобальными связями стала сокращаться материальная база для реализации гарантий социальной справедливости. Глобальный характер экономических отношений и национальный характер социальной ответственности государства поставили под вопрос стабильность материальной, налоговой базы национального государства. Неоконсервативная критика автора концепции постиндустриального общества Д. Белла в конце 20 столетия констатировала явное посягательство на ограничение рыночных отношений в связи с социальными обязательствами государства. Государство таким образом оказалось открыто для критики как со стороны гражданского общества, так и со стороны ТНК. В качестве противоречия постиндустриального общества и социальных обязательств государства была выражена дилемма между социальной защитой и свободой граждан: дальнейшее расширение одного момента влекло подавление другого. Решение этого противоречия неминуемо влекло конфликт и размежевание не только представителей власти, но и самих членов гражданского общества. Вину за отсутствие конвенций и компромисса между стратегиями рыночной стихии и государственным ограничением все стороны возложили на государство. Однако выход из этого противоречия без ущерба потребительским ожиданиям общества и свободе их же предпринимательской деятельности государство найти не смогло ни в одной из развитых национальных систем. Государство, стремившееся сгладить социальные противоречия, вводя социальные гарантии, столкнулось с противодействием гражданского общества в связи с его ограничением в сфере экономической мобильности и свободы. При этом большинство функций постиндустриального социального государства и гражданского общества совпало. Выходом из этого теоретического и практического тупика могло бы стать только совпадение формы и содержания, когда в условиях глобального общества возникало бы столь же глобальное наднациональное управленческое образование под контролем столь же глобального гражданского общества. При всем прогрессе в существующих процессах наднациональной интеграции ответственность за выполнение обязательств перед гражданским обществом берёт на себя национальное

государство, и соответственно управленческие решения в рамках этих объединений по-прежнему принимаются на национальном уровне.

Нерешенность противоречия между интенцией к свободе и требованием справедливости в рамках государства не компенсируются и выработкой такого решения в недрах гражданского общества. Очевидно, наметившаяся к концу 70-х годов тенденция к выравниванию доходов по принципу регулируемой справедливости, вновь отыграла завоевания в пользу свободного стихийного рынка, хотя и на основе иных факторов. Кроме того, как следствие обнаруживается и ещё более глубокое противоречие внутри гражданского общества. Постиндустриальная тенденция «успешного» класса членов гражданского общества переориентируется на постматериальные ценности. В то время как остальная часть гражданского общества остаётся в рамках приоритета повышения материального благополучия, несмотря на удовлетворённость базовых потребностей гарантированных социальным государством.

Постиндустриальная тенденция глобализации остаётся и в перспективе будет оставаться тенденцией, которая не приводит к мировой интеграции. Постиндустриальный характер экономики одних стран продолжает сочетаться с индустриальным характером других. И те и другие экономики остаются региональными анклавами. Расширение экономических контактов не приводит к непосредственному превращению индустриальных стран в постиндустриальные, равно как не меняет мотивацию людей. Гражданское общество возникает на основе рыночной конкуренции и потому с необходимостью предполагает противоречия. Согласно Г. Гегелю: «Гражданское общество является ареной борьбы частных индивидуальных интересов, войны всех против всех» [4, с. 330].

В развитом гражданском обществе, в том числе благодаря новым информационным технологиям, усиливается социальная дифференциация, атомаризация, неоднородность, что, по мнению ряда исследователей [2, с. 166], не соответствует тенденциям глобализации и прямо противоречит целям социальной консолидации. Однако гетерогенность общества является лишь очевидным следствием разнообразия человеческих интересов и ценностей. Объединение людей в множество социальных образований, преследующих частные цели, тем не менее не лишено единого для этих групп фундамента, без которого в принципе не существует не только гражданское,

но и общество как таковое. Такой общей основой гражданского общества, при всём разнообразии частных интересов, выступает активная деятельность самоорганизующихся коллективов для защиты и реализации прав и свобод на основе актуализации принципов права: равенства, справедливости и общеобязательности.

Очевидным признается несоответствие вызовов информационно-технологической модернизации, усложнения и увеличения количества социальных связей уровню институциональной социальной организации [3, с. 168]. Гражданское общество ориентировано на мажоритарный, непрофессиональный контроль обществом государства, так же, как суд присяжных является непрофессиональной инстанцией в разрешении вопроса о виновности подсудимого.

Идея гражданского общества не зависит ни от режима, ни от формы правления, ни от наличия или отсутствия ориентира на социальное государство. Вновь становящаяся популярной теория интеграции гражданского общества с государством является теоретическим возвратом к теориям поздней античности и средневековья. Но если в те эпохи синкретизм гражданского общества и государства был связан с отсутствием всеобщей правовой свободы и равенства граждан, то теперь такое тождество предполагается на почве государственной политики построения социального государства [7, с. 56]. Подобная идея представляется разновидностью утопизма, считающего возможным изменить традиционную стратегию самоусиления бюрократической власти и не учитывает отсутствия социального института кроме гражданского общества, который бы ограничивал корпоративный интерес и неограниченные возможности изменения законодательства в свою пользу государственной машиной.

Государство не является неким непредвзятым арбитром, стоящим над социальными отношениями. Государство в целом, равно как чиновничий аппарат этого института, имеет свои интересы, цели и является одним из субъектов социальных отношений, и при этом оно наделено уникальными монопольными полномочиями на применение насилия. Условия же и основания для применения силы государство определяет для себя само. Единственным институтом, который может ограничить степень властных притязаний, до тех пор, пока государство не превращается в тоталитарное, может выступить столь же организованный и не менее значимый институт, каковым и является гражданское общество. При этом, как показано в работе В.В. Богданова и И.А. Ковале-

ва, «Главное непреодолимое противоречие новоевропейской метафизики права – свободная автономия индивида в противопоставленности суверенитету национального государства. При доминировании любого из полюсов – правовое сознание сводится к субъективному произволу либо частных лиц, низводящих государство до орудия собственного интереса, либо к тотальному государственному навязыванию норм социальной необходимости» [1, с. 364].

Первоначально глобализация связывалась с тенденцией унификации, однако уже тенденции в сфере права показали, что опора осуществляется не на единообразных законодательных основаниях, а на основе договорных, частноправовых форм, выборе правовой юрисдикции и т.д. Хотя базовые основания «естественного права» остались основным связующим элементом. Сила уравнивается другой силой не только по форме, но и по содержанию. Гражданское общество не только в прямом смысле может выйти и потребовать ограничения притязаний государства и защиты прав граждан. Публичное право государства ограничивается по мере роста частноправовых отношений. Чем больше отношений попадает в разряд частноправовых, тем меньше доля нормирования и вмешательства государства в частную жизнь. В этом смысле тенденция развития частного права не только сопутствует эволюции гражданского общества, но и способствует возникновению гражданского общества там, где оно находится в зачаточном, не институционализированном состоянии. Характерный для гражданского общества горизонтальный характер связей соответствует общемировой тенденции приоритета договорных, частноправовых форм отношений в XXI веке.

Таким образом, несмотря на то, что в постиндустриальном обществе роль современного национального государства значительно сокращается, ответственность перераспределяется, а в разряд базовых функций государства включаются обязательства, связанные с конституционно закрепляемым принципом социального государства, несмотря на сближение социальных функций государства и гражданского общества, отношения между этими институтами не становятся партнёрскими, не приводят к конвергенции или замещению одного института другим. Противоречия между государством и гражданским обществом воспроизводятся в условиях новой информационной среды, время для адекватной реакции у государства на требования гражданского общества сокращается.

Список литературы

1. Богданов В.В., Ковалёв И.А. Диалектическая природа правового сознания // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 11. (Часть 2). – С. 362–368.
2. Вайнштейн Г.И. Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна, 2001. – С. 166.
3. Воробьев С.А. Трансформация гражданского общества в эпоху современного технологического переворота // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2007. – № 3 (8). – С. 168–173.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
5. Кочеткова Л.Н. Социальное государство: опыт философского исследования. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 160 с.
6. Кочеткова Л.Н. Теория и практика социального государства: социально-философский анализ: автореф. дис. док. филос.наук: 09.00.11. – М., 2010. – 34 с.
7. Митрашенков О.А. Социальная политика России: история и современность. Сборник докладов и сообщений межрегиональной научно-теоретической конференции. – Новочеркасск, 1999. – С. 122–130.

References

1. Bogdanov V.V., Kovaljov I.A. Dialekticheskaja priroda pravovogo soznaniya // Fundamental'nye issledovaniya. 2013. no. 11. (Chast' 2). pp. 362–368.
2. Vajnshtejn G.I. Zakonomernosti i problemy postkommunisticheskikh transformacij // Politicheskie instituty na rubezhe tysjacheletij. Dubna, 2001. p. 166.

3. Vorob'ev S.A. Transformacija grazhdanskogo obshhestva v jepohu sovremennogo tehnologicheskogo perevorota // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija Social'nye nauki. 2007. no. 3 (8). pp. 168–173.

4. Gegel' G.V.F. Filosofija prava. M. Mysl', 1990. 524 p.

5. Kochetkova L.N. Social'noe gosudarstvo: opyt filosofskogo issledovaniya. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 160 p.

6. Kochetkova L.N. Teorija i praktika social'nogo gosudarstva: social'no-filosofskij analiz: avtoref. dis. dok. filos.nauk: 09.00.11. M., 2010. 34 p.

7. Mitrashenkov O.A. Social'naja politika Rossii: istorija i sovremennost'. Sbornik dokladov i soobshhenij mezhr regional'noj nauchno-teoreticheskoy konferencii. Novocherkassk, 1999. pp. 122–130.

Рецензенты:

Музыка О.А., д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой философии и социологии права Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Таганрог;

Лысак И.В., д.ф.н., профессор, профессор кафедры философии Института управления в экономических, экологических и социальных системах, ФГАУ ВПО «Южный федеральный университет», г. Таганрог.

Работа поступила в редакцию 30.12.2014.